

КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО В РОССИИ КОНЦА XIX - нач. XX вв.: ОТ КЛАССИЧЕСКОГО ТИПА КУСТАРНОЙ ДОМАШНЕЙ ПИЩЕВОЙ ПЕРЕРАБОТКИ К МЕЛКОТОВАРНОЙ, ПРОМЫШЛЕННОЙ

Рогатко Сергей Александрович
К.ист.н., Член Российского
комитета по истории и философии
науки и техники РАН

**FARM IN RUSSIA IN THE LATE XIX -
nach. XX .: CENTURIES OF CLASSICAL
TYPE COTTAGE HOME IN SMALL-
SCALE FOOD PROCESSING,
INDUSTRIAL**

S. Rogatko

Annotation

The reference article describes transformation of a farm household as a family type food processor from natural home-made type to industrial. It shows mechanism of peasant holding food production, that created a food processor of agricultural type. It reflects connection of home-made food processing with peasant system of land tenure. It gives samples from flour-grinding, oil-milling and other brunches, where farm household as a market player achieved substantial results.

Keywords: Farm household, family type food processing skills, family-communal form of food processing, flour-grinding, oil-milling farm production.

Аннотация

В данной статье идет речь о трансформации крестьянского хозяйства, как пищепеработчика семейного типа из натурального кустарного в промышленное. Показаны механизмы крестьянского производства продуктов питания которые создали товара производителя сельского типа. Вскрывается связь кустарных пищепеработывающих ремесел с крестьянским землепользованием. Приводятся примеры из мукомольной, маслособойной и других отраслей, где крестьянское хозяйство, как участник рынка добились наиболее существенных результатов.

Ключевые слова:

Крестьянское хозяйство, кустарные пищепеработывающие ремесла, семейно общинная форма переработки, мукомольное и маслособойное крестьянское производство.

З а последнее время появилось достаточно работ, которые так или иначе исследовали проблемы промысловой кустарной деятельности российских крестьянских хозяйств. Главным образом эти работы были связаны со всем спектром кустарной промышленности в России во второй пол. XIX – нач. XX вв. К ним относятся исследования Я.У. Водарской и Э.Г.Истомина[1], Анисимова Е.Ю. и Шабалина Л.П.[2], Кораблева Н.А.[3], Егорова В.Г., Зазуля О.А. Моркунцова С.А., Петряева С.В.[4], а также другая работа Егорова В.Г., Антонова О. Ю. и Зозуля О.А.[5] Однако в этих работах, кроме работы Егорова В.Г. о кустарных промыслах Воронежской губ., (маслособойных промыслах) авторы не приводят данных о пищепеработывающих промыслах в крестьянских хозяйствах. Мало того, Водарский и Истомин разработали прекрасную классификацию кустарных промыслов в Российской империи, куда вошли промыслы: по обработке дерева, волокна, кожи, металлов, минералов, по обработке рогов и костей животных, прочие промыслы, типа мыловаренного, игрушечного, гитарного, портняжного и т.д. и т. п. Всего 100 наименований промыслов[1, С.13–

23]. Но почему то в этом ряду не нашлось места для промыслов по обработке "питательных веществ", т.е. пищепеработывающих промыслов в крестьянских хозяйствах.

В дореволюционных исследованиях кустарной промышленности сельскохозяйственным и пищепеработывающим промыслам в крестьянских хозяйствах было больше уделено внимание. Однако эти сведения как бы растворились в большом количестве описаний промышленных кустарных промыслов. Даже не нашлось места на страницах изданий для четкой специализации и соответственно определенной классификации пищевой переработки [6,7,8,9,10], а также в других губернских и уездных земских исследованиях 80–90-х гг. выполненных по заказу Комиссии по исследованию кустарной промышленности в России.

Впрочем, в некоторых изданиях, таких как "Обзор Пермского края"[11] дается экономическая и статистическая характеристика мукомольным и маслособойным

промыслам, а также в исследовании посвященном Юрьевскому уезду Владимирской губ.[12] представлена характеристика маслособойного дела, крахмального или ремесленного производства сельских орудий для земледелия. Это позволяет говорить, что в исследованиях 80–90–х гг. XIX в. в виду возникающего интереса к промышленной специализации крестьянских кустарных и ремесленных промыслов и наполнения сельской местности промышленными товарами различного рода, пищевая переработка уходила как бы на задний план. Ей будто бы авторы отводили вспомогательную, "натуральную" функцию описанию крестьянских хозяйств. Обобщая все выше перечисленное можно сказать, что наше исследование должно восполнить ту историческую лакуну, в которой оказались исследования по крестьянским пищеоперерабатывающим промыслам в пореформенное время.

Как известно первичная переработка пищевого сырья в крестьянских хозяйствах берет свое начало с глубокой древности. Натуральная форма хозяйствования способствовало развитию всевозможных ремесел на дому: от мукомолья, хлебопечения и обработки животных продуктов: мяса, птицы, рыбы до более сложных пищевых продуктов: окороков, колбас, рыбной икры, балыков, всевозможных молочных "скопов": творожных продуктов, сыров, топленого, сливочного масла и других продуктов глубокой переработки (пряники, варенья, фруктово-овощные консервации и пр.). Уже в XVIII в. сельские мастеровые и вольные крестьянские артели специализировались по приготовлению всевозможных пищевых продуктов. Правда все это было применительно к сельской общине. С этими товарами крестьяне выходили на местные рынки и проводили различного рода операции если на то было разрешение от помещиков и местных властей. Однако медленный рост городского промышленного населения не способствовали росту товарного мукомолья. Мельничное дело в XVIII в. по-прежнему было связано с натуральным ведением зернового хозяйства. Ко второй половине XIX в. за крестьянами во многих губерниях Европейской России, на Юге России, а также на Урале, в Сибири, в развитых районах Кавказа закрепились такие промыслы, как мукомольный, рыболовный, маслособойный, маслodelьный, сыродельный, крахмально-паточный. Именно продукты этих промыслов, а также некоторые продукты мяса переработки, стали промышленными товарами крестьянского зажиточного сословия, которые в конце XIX – нач. XX вв. составляли конкуренцию помещикам-предпринимателям, а местами и городским фабрично-заводским товарам. Выделение местных и отхожих промыслов в крестьянской среде в отдельную специализацию хозяйствования основывалось с одной стороны на рентабельности от занятия земледелием в той или иной местности, а с другой – от возможности и прибыльности получения перерабатываемого сырья.

Допустим если в старом Елецком мукомольном районе в виду благоприятных природно-географических ус-

ловий (обилие местных рек, возможностью устройство плотин и запруд) у крестьян появилась возможность перехода от ручных жерновов к строительству водяных мельниц, также как и в степных районах Юго-Запада ветряных мельниц в первой половине XIX в., то сам это факт при наличии в пореформенное время надельной и арендной земли, а также благоприятных урожаев способствовал появлению в этих и подобных им районах типа Царинского у. Самарской губ. артельного крестьянского мукомолья.[7, С.57] Надо сказать, что по внешним формам мукомольное производство в крестьянстве, беря в учет и способы сбыта продуктов, имели преимущественно ремесленный характер. С точки зрения тесной связи производства с формирующимся структурируемым рынком второй половины XIX в. крестьянское мукомолье имело кустарный характер. То есть с одной стороны на лицо продолжали оставаться элементы ручного труда, а с другой – мелко и среднесерийное производство товаров. Например, во-первых некоторые владельцы мельниц изготавливали на свободную продажу солод, толокно и крупу, приобретая за свой счет сырье. Во-вторых, в некоторых местностях Пермской губ., а также в Поволжье расплата за размол муки практиковалась натурой, т.е. той самой мукой, которая владельцами мельниц сбывалась на рынке. А следовательно через рынок мельник реализовывал свой заработок в деньгах. И в третьих, имея ввиду неразрывную связь земледелия с процессом переработки зерна в муку, получаемого в хозяйствах самим владельцем мельниц, в особенности в артельных мукомольных предприятиях, крестьянское мукомольное производство являлось для хозяев мельниц средством рыночного сбыта продуктов их собственного земледельческого хозяйства в форме наиболее выгодной, т.е. в виде энергоемких мукомольных продуктов. И наконец, в четвертых, с точки зрения прав крестьян на кредит в кустарном банке, мукомольное производство нуждалось в значительных оборотных средствах при постоянном производственном процессе: на ремонт мельничных механизмов и приспособлений, в особенности быстро выходящих из строя жерновов, а также на закупку смазочных материалов.

Исследование кустарной промышленности в Пермской губ. констатировало много крестьянских мельниц, находящихся в общем пользовании: 1) в отдельных товариществах; 2) в целых отдельных селений. Повседневная практика и местные обычаи выработали несколько форм пользования такими артельными мельницами. Об этом также упоминает В.И. Ленин в своей работе "Кустарная перепись 1894/95 года в Пермской губернии и общие вопросы "кустарной" промышленности". Самый распространенный способ, когда совладельцы пользовались мельницей по очереди, в определенные, установленные соглашениями периоды времени. По окончании работ по некоторым мельницам чистый доход делился на паи, которые соответствовали затратам каждого крестьянина-хозяина при постройке или аренде мельницы. В подобных случаях хозяева-товарищи редко принимали личное тру-

довое участие в производстве. Обычно для производства использовался наемный труд. Заметим также, что при регистрации артельных крестьянских мельниц подворный бланк составлялся на одного из артельщиков, а число семейств, владеющих мельницей, и условия их взаимного пользования записывались в графе 17 подворного бланка – "разные сведения". [11, С.181] Хотя показанное число участвующих в промысле значительно меньше действительного, и принимая во внимание, что артельщики пользовались мельницей по очереди и техника производства требовала примерно всегда определенное число рабочих, то авторы исследования делали вывод, что на мельнице работала весь год как бы одна крестьянская семья. Всего в Пермской губ. за 1895/96 гг. было зарегистрировано артельных мельниц 33, которые находились в селениях Красноуфимского, Верхотурского уездов, а также в прежних исследованиях (кустарных переписях за 1894/95 гг.) артельные крестьянские мельницы встречались в Ирбитском и Оханском уездах. Всеми этими мельницами владели 329 семейств в среднем по 9-ти семейств на мельницу, в пределах от 2 до 30 семейств. [11, 181] Что касается технического оборудования крестьянских мельниц в Пермской губ., то сведения были собраны по 8 уездам относительно 177 мельниц (в Ирбитском, Соликамском, Камышловском, Чердынском, Кунгурском, Пермском, Екатеринбургском и Шадринском уездах), в которых имелось [11, С.185]:

<i>водяных поставов (жерновов).</i>	– 294
<i>толчей</i>	– 44
<i>обдирок</i>	– 9
<i>молотилок</i>	– 2
<i>сортировок</i>	– 1
<i>станков, приводимых в движение ветром</i>	– 44

В среднем на мельницу приходилось по 2, 2 станка, а на все 421 исследованные мельницы 926. Относительно зарегистрированных, но не исследованных подворно 104-х мельниц размеры годового производства в среднем на одну мельницу приходилось по 272, 52 руб., т.е. всего 28 342, 08 руб. А всех зарегистрированных 525 мельниц годовой доход составлял в 143 073, 12 руб., без стоимости размолотого зерна. [11, С.185]

Заметим, что все эти исследования крестьянского кустарного мукомолья в Пермской губ. главном мукомольном районе Урала приходились на середину 90-х гг., когда крестьянство, особенно государственные крестьяне, выходили на новый уровень хозяйствования. Для сравнения есть смысл привести иные данные по мукомолью старейшего мукомольного района – Елецкого уезда, мука которого была в середине XIX в. основой многих внутренних городских рынков и российского экспорта. По сведениям собранным А.Петровым к концу 50-х гг. XIX в., то есть перед началом реформ, в Елецком уезде было 152 водяных мельницы, из которых 58 принадлежали поме-

щикам, 76 государственным крестьянам и 18 – купцам. [14, С. 6] И хотя далее Петров в своем исследовании не стал развивать тему крестьянского мукомолья, а уделил больше внимания крупному городскому фабрично-заводскому производству, но приводя эти данные он, далее пишет, что "с этого времени прошло 40 лет, а елецкое мукомолье мало увеличилось. Оно претерпело следующие изменения: начиная с 1874 года мельницы стали перестраиваться по новой усовершенствованной системе и к началу 80-х гг. были почти все переделаны". [14, С.6–7] То есть на некоторые мельницы в виду недостатка водяной силы, были поставлены вспомогательные паровые двигатели. Следовательно увеличилась и производительность. В связи с этим в 1888 г. елецкие мукомолы в своем докладе I-ому Московскому съезду мукомолов писали: "до сих пор единственными рынками сбыта для нас являются внутренние рынки... Между тем количество мельниц с каждым годом на столько увеличивается, что конкуренция мукомолов может вызвать для них печальные последствия. Мы можем произвести муки лишь столько, сколько позволяют условия сбыта, в противном случае мы встретимся с явлением перепроизводства". [14, С.19] Даже не имея сравнительных данных по сословной принадлежности внутри елецкого мукомолья и данных по производству, опираясь на первые данные можно сделать вывод, что крестьянское мукомолье в период развития капиталистического производства находилось на весьма высоком уровне. Об это также говорят и данные по Тамбовской и Воронежской губ. Перепелицин А.В. опираясь на Сборники статистических сведений по Тамбовской и Воронежской губ. за 1884 г. приводит данные: в Тамбовской губернии наибольшее распространение среди неземледельческих промыслов имели ветряные крестьянские мельницы – 43,8 % всех заведений, а на долю аналогичных мельниц в Воронежском уезде приходилось 68 % от всех крестьянских кустарных заведений. [15] Ратушняк в своем исследовании посвященном пиццеперерабатывающей промышленности Кубани во второй половине XIX–нач. XX вв. приводит данные со ссылкой на отчет начальника Кубанской области за 1913 г., по которым в области действовало 2619 мельниц, из которых 537 значились как паровые (годовая производительность 9 млн. руб., 2396 рабочих. [16, С.135] Даже если представить, что 537 паровых мельниц могли относиться к фабрично-заводскому статусу и принадлежать крупным купцам и помещикам, то остальные наверняка более 2000 могли относиться как автор поясняет ниже к "сельским мелким заведениям", основанным на ручном труде, хозяева которых были большей частью казачество и крестьяне. В этой связи также ценны пояснения автора: "в отличии от крупных мелкие мельницы располагались в основном в небольших станицах. Ни них работали сами владельцы с семьями, иногда наемные рабочие (чаще всего сезонные). Эти мельницы обычно обслуживали население своей станицы и окрестных поселений и хуторов. Не на постройку крупных паровых мельницы, подобные сельские "мукомолки" не

утратили своего значения и имели постоянных клиентов, так как крестьянам удобнее было смолотить зерно поблизости, избежав таким образом дополнительных транспортных расходов. Кроме того, местный мельник мог принять оплату натурой (зерном или мукой) и продлить срок расчетов. Да и за работу он брал меньше, чем владельцы крупной мукомолки. Благодаря таким отношениям мельники обеспечивали себе постоянных заказчиков и подчас лишали крупные мельницы поставщиков сырья. Многие трудоемкие работы (погрузка, насыпка муки и т.п.) выполняли сами крестьяне-заказчики. Постоянных рабочих такие мельники обычно не нанимали". [16, С.140–141] Как видим в этом анализе прослеживаются те же формы и виды крестьянского мукомолья, которые были описаны исследователями Пермской губ., в 1895/96 гг. То есть можно сделать вывод, что крестьянское мукомолье, как Урала, так и Юга Росси, а также иных районов вполне было вписано в товарное мукомольное районирование, что в свою очередь являлось своеобразным балансом рыночных отношений каждого отдельно взятого региона.

Одним из характерных крестьянских пищевого производства промыслов, которые также как и мукомолье вышли из кустарной домашней переработки XVIII в. и превратились в конце XIX–нач. XX вв. в мелкотоварное производство можно считать маслобойное дело. Благодаря немецким колонистам, а затем и русским купцам в первой половине XIX в. выработка масел из горчицы, позднее из подсолнуха быстро распространилась по Воронежской губ., а оттуда по степным районам Поволжья. К 1864–67 г.г. слобода Алексеевка Саратовской губ., где купцами в 30–е гг. были основаны первые конные маслобойные заведения, была основным центром маслобойного подсолнечного производства и за этот период ежегодно на продажу отпускала до 40 тыс. бочек масла общим весом около 900 тыс. пуд.[17, С.13] Из Воронежской и Саратовской губ. возделывание подсолнечника и переработка его на масло распространились в Тамбовской губ., на земли Донской области, в некоторых уездах Симбирской губ. и в Уральской обл., а также в черноземной полосе Екатеринославской, Полтавской (Миргородский и Кременчугский уезды), Киевской и других южных губерний. Особое значение возделывание подсолнечника заняло в сельском хозяйстве Северного Кавказа. В одной только Кубанской обл. (Екатеринодаре и Ейске) в 1857 г. насчитывалось 67 маслобойных заводов. [18, С.82] В основном это были кустарные заведения казаков и мещан. До 90–х г.г. XIX в. маслобойное производство носило исключительно кустарный характер, являясь непременным атрибутом в хозяйственной жизни многих крестьянских и помещичьих хозяйств. Фабрикация масла в 50–80–х г.г. не требовавшая больших материальных затрат и была доступна почти каждому более или менее состоятельному сельскому хозяину. Лучшее оборудование конного завода не превышало 1500 руб.[19, С.16] Не требовалось также и значительных оборотных средств, так как, напри-

мер, пуд подсолнуха стоил всего 25–40 коп.[19, С.16] Для крестьян маслобойное дело представляло интерес именно в том, что основные средства производства – семена, лошади и рабочий труд были своей собственностью, а осеннее и зимнее время – свободное от полевых работ. Кроме этого благодаря отходам от маслобойни – жмыхам многие держали по несколько сот свиней или большее количество коров, чем просто при пастбищном животноводстве. Однако производимое масло на кустарных заводах было плохо отфильтровано и не отличалось, поэтому особой доброкачественностью. Оно имело большой отстой и часто прогорало. Поэтому цена на него была низкой, и шло оно преимущественно на технические цели: мыловаренные заводы, где употреблялось вместо сала, лакокрасочное производство и т.д. Также на этих заводах употреблялась зола от стеблей подсолнуха с большим процентом содержания поташа. Ратушняк в своих исследованиях пищевого производства промышленности Кубани во второй половине XIX–нач. XX вв. отмечал, что казачьи и крестьянские маслобойни носили в основном сезонный характер, иногда с привлечением наемной рабочей силы. Производительность труда на них была очень низкой. Разделение труда или отсутствовало или только зарождалось. Сами хозяева таких заведений жили не на много богаче наемных работников и беднее многих городских рабочих в той же маслобойной отрасли. Например в Майкопском отделе Кубанской обл. было много заведений, похожих на маслобойню казака Л.Салова. На ней, кроме хозяина, работали наемный мастер и подсобный рабочий. В год производилось до 30 пуд. масла на сумму 150 руб.[16, С.135]. К.К. Вебер в своем труде привел подсчеты фон Буша, который определил общую сумму производства всех маслобоен России в 1869 г. в 12 млн. руб., включив в эту сумму и производительность всех мелких кустарных маслобоен крестьянского типа.[17, С.25] В то время мелкое кустарные заводы производили 3/4 всего добывавшегося в стране масла. В 1880 г. в России, по некоторым официальным данным, мелких заводов производивших от 300 до 3000 пудов масла на сумму в 1 183 685 руб. насчитывалось 220, а 56 заводов купеческого характера ежегодно производили продукции на сумму в 4 318 550 руб., т.е. почти в четыре раза больше, чем все кустарные крестьянские маслобойни [17, С.25–26]. То есть кустарные заводы большим числом предприятий производили едва пятую часть всего количества вырабатываемого в России масла. Впрочем, сам К.К. Вебер считал, что эти данные не весьма точны, так как они не могли отразить все многообразие кустарного производства, неподдающееся официальной статистике того времени. Поэтому Вебер приводил свою цифру общего производства в 15 млн. руб.[17, С.27] Кстати, об этом писал и В.И. Ленин, описывая маслобойное производство в работе "Развитие капитализма в России": "Наша фабрично-заводская статистика перепутывает мелкие сельскохозяйственные и крупные промышленные маслобойни, то считая первые, то не считая по разным губерниям в разное время. В 1860–х годах,

например, относилась к "заводам" масса мелких маслобойных". [20, С.295сноска] Здесь можно согласиться с автором, ибо в это время статистика, как наука, делала только первые шаги в своем развитии. Опираясь на исследование кустарной промышленности Пермского края 1894/95 гг. Ленин в своем исследовании "Кустарная перепись в Пермской губернии" критикует сам подход к определению сельской кооперации в маслобойном крестьянском промысле, называя семейное маслобойное дело уральских братьев-крестьян с присущей ему иронией "бытовая артель в строгом значении этого слова". [13, С.407] И далее В.И. Ленин поясняет свое недоумение: "в с. Покровском и в дер. Говрятах двумя маслобойнями владеют пятеро братьев, которые разделились между собой, но маслобойнями пользуются по очереди. Эти факты представляют "глубокий интерес", потому что "ими освещаются контрактные условия общинно-трудовой ответственности кустарных промыслов". Очевидно, что подобные бытовые "артели представляют значительный прецедент в вопросе о распространении в среде кустарничества на кооперативных началах производств заводского типа." [13, С.175-176] Ленин не беря в расчет русские бытовые и семейно-родовые традиции в своем саркастическом духе подытожил: "Итак, артель в строгом значении слова, как прецедент кооперации, как выражение общинности, состоит в общей собственности неразделенных наследников!!" [13, С.175-176] И далее Ленин приводит в пояснении подлинной "общинности" и "кооперации" даже само римское право и отношение к этой проблеме российских правовых институтов совместного владения. [13, С.175-176 сноска] Однако нас в этой критике интересует сам факт семейно-общинной формы производства в маслобойном деле Урала, который если уж быть точным до конца происходил на самом деле из традиций большой славянской семьи, с "большаком" во главе и общим семейным трудом, который был на Руси в большой семье "одного двора" со средних веков до середины XIX в., а в некоторых местах и до конца XIX в.

Таким образом мы видим, что маслобойный кустарный крестьянский промысел выйдя из недр древних домашних натуральных форм хозяйствования к концу XIX в. превратился в самостоятельный кустарный промысел мелкотоварный, промышленный и по словам Ратушняка на Кубани "эти маслобойни (мелкие – прим. Р.С.А.) стали капиталистическими предприятиями". [16, С.135]

С развитием в конце 40-х гг. XIX в. в Центрально-Европейской части России крестьянского картофелеводства, уже можно сказать на законных основаниях и с поощрительной мотивацией [21], постепенно картофель, как овощная культура стала входить в сферу переработки крестьянских хозяйств и получения крахмала и патоки. Географию крахмальных и паточных кустарных крестьянских заводов во второй половине XIX в. в основном составляла Центрально-Европейская часть России. Основная часть крахмальных производств находилась в

Центральном районе: Ярославской, Тверской, Московской, Владимирской, Рязанской, Тульской, Курской губ.; меньшая часть в Западных губерниях – Смоленской, Могилевской, Царстве Польском. Особое место в этом списке занимала Ярославская губ., где крестьянское крахмально-паточное производство могло вполне составить конкуренцию помещичьим заводам. Вообще, надо заметить, что крахмальное производство кустарного характера по типу крестьянских заводов в Ильинской волости Ростовского уезда Ярославской губ., а также в других центральных районах России можно было, разделись на два типа производства: 1/ картофельно-терочное, при котором крестьянин-заводчик перетирал свой и покупной картофель на крахмал и продавал его в сыром виде и 2/ крахмально-сушильное производство, находящееся уже в руках более зажиточных крестьян, которые покупая от своих односельчан сырой крахмал, пересушивали его и продавали в сухом виде в Москву, Петербург, Калязин и другие соседние рынки. Как исключение оба эти типа производства встречались в руках одного крестьянина весьма редко.

Например, в Борисоглебской волости Ярославской губ. всего 5 крестьян вели одновременно обе операции [22, С.10]. Среди них наиболее крупными заводчиками считались Иван и Василий Семеновичи Чаловы из дер. Околева. На рынках иногда крестьянский крахмал был такого высокого качества, что не уступал помещичьему крахмалу. В конце 70-х – нач. 80-х годов XIX в. спрос на ярославский крахмал, особенно ростовский был подорван разного рода фальсификациями. Особенно это проявилось, когда крахмал успешно экспортировался на зарубежные рынки. И многие ростовские производители видя повышенный спрос на свой продукт и зная, что товар идет за границу, примешивали к крахмалу белую, как мел, глину, которую они приобретали по 25 коп. за пуд [22, С.18]. Все это, в конечном счете, обнаружилось и в результате у потребителей подорвало доверие к ростовским крахмалозаводчикам, как помещикам, так и крестьянам.

Исследуя кустарные крестьянские пищеперерабатывающие промыслы мы не отметили: пекарный, сетевязальный для рыболовных артелей, бондарный и некоторые другие, которые с точки зрения географии, экономики и производства имели второстепенное, вспомогательное значение. Например, пекарный промысел в основном был семейный, иногда сезонный (зимний) и был сосредоточен возле крупных сельских ярмарок и базаров. Сетевязальный главным образом сосредотачивался возле населенных речных пунктов, где формировались рыболовные артели. То же можно сказать и бондарном промысле распространенном главным образом в крупных рыбопромышленных районах, типа Каспийско – Волжского. Особое место занимали маслодельные и сыродельные крестьянские артели, о которых речь пойдет ниже в подглаве о кооперации в мясной и молочной от-

раслях. Главная же особенность так называемых второстепенных кустарных промыслов состояла в том, что как правило крестьянские семьи, которые начинали ими заниматься порывали окончательно связи с земледелием. А некоторые со временем переходили даже в иные условия – купеческое или мещанское.

Из данного обзора крестьянских кустарных пищевых перерабатывающих промыслов можно сделать вывод, что в процессе развития крестьянского хозяйства, как самостоятельного товаропроизводителя во второй половине XIX–нач. XX вв. из недр натуральных семейных форм переработки пищевых продуктов выделялись профессиональные переработчики: мельники, маслобойщики, крахмальные, пекари и другие, которые, как правило кооперируясь в семейные и артельные формы производства, работали на местные, иногда на крупные городские рынки, в виде исключения на зарубежные рынки сбыта.

В виду трудностей мелкого производственного кредита, технологических усовершенствований и зачастую узкого спектра торговых стандартов, крестьянские кустар-

ные промыслы по сути своей оставались сельского типа, как в большинстве своем и помещичьи перерабатывающие предприятия.

Главным отличием крестьянских кустарных пищевых перерабатывающих промыслов от иных состояло в их непосредственной связи с надельным или арендным землепользованием и земледелием, стремлением к всевозможным формам кооперации и экономически мотивированным занятием конкретным семейным промыслом в конкретной местности.

К этому надо добавить, что себестоимость крестьянских пищевых товаров состояла из их собственного труда, как правило собственного сырья и реальной возможности реализовать свой товар на местных рынках. Если эти три составляющие присутствовали, то крестьянское перерабатывающее предприятие входило в разряд местного промышленного производства, имело хотя и символическую земскую поддержку и рассматривалось властями как положительное явление в пищевых перерабатывающих отраслях губернского значения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Водарский Я.Е., Истомина Э.Г. Сельские кустарные промыслы европейской России на рубеже XIX–XX столетий. М., 2004.
2. Анисимова Е.Ю., Шабалина Л.П. Кустарные промыслы Симбирско–Ульяновского Поволжья. Ульяновск, 2004.
3. Кораблев Н.А. Традиционные кустарные промыслы и ремесла Карелии: вторая половина XIX– начала XX вв. Петрозаводск, 2009.
4. Егоров В.Г., Зозуля О.А., Моркунцов С.А., Петряев С.В. Кустарные промыслы Нижегородской губернии второй половины XIX–начала XX века. СПб., 2013.
5. Егоров В.Г., Антонов О.А., Зозуля О.А. Кустарные промыслы Воронежской губернии второй половины XIX– начала XX века. СПб., 2014.
6. Труды комиссии по исследованию кустарной промышленности в России. Вып. I. СПб., 1879.
7. Воронцов В.П. Очерки кустарной промышленности в России. СПб., 1886.
8. Воронцов В.П. Очерки крестьянского хозяйства. Статьи 1882–1886 гг. СПб., 1911.
9. Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел хозяйственной статистики. Т. VII. Вып. III, Ч. II. М., 1883.
10. Василенко В.И. Кустарные промыслы сельских сословий Полтавской губ. Вып. 1–2. Полтава, 1885–87 гг.
11. Очерк состояния кустарной промышленности в Пермской губернии. Пермь., 1896.
12. Сельская община, кустарные промыслы и земледельческое хозяйство Юрьевского уезда Владимирской губ. М., 1884.
13. Ленин В.И. Кустарная перепись 1894/95 года в Пермской губернии и общие вопросы "кустарной" промышленности. // ПСС. Изд. 5. Т. II. М., 1967. С. 407.
14. Петров А. Очерк Елецкого мукомолья. М., 1896 г.
15. Перепелицин А.В. Традиции промышленного предпринимательства центрально–черноземного крестьянства в пореформенный период. // Научная программа: русский язык, культура, история. Ч. II. М., 1995 г. С. 178.
16. Ратушняк В.Н. По страницам истории Кубани. // Краеведческие очерки. Краснодар., 1993.
17. Вебер К.К. Маслобойное производство. Руководство к добытию конопляного, подсолнечного, срепного и прочих масел из масличных растений возделываемых в России. СПб., 1909.
18. Н.Г. Шевченко. Социально–экономическое развитие Кубани в конце XVIII–пер. пол. XIX в. // По страницам истории Кубани (Краеведческие очерки). Краснодар. 1993. С. 82.
19. Рындин Ф.К. Маслобойная промышленность и эфирные масла Воронежской губернии. Воронеж., 1921.
20. Ленин В.И. Развитие капитализма в России. // ПСС. Т. III. Изд. 5–е. М., 1971.
21. 2ПСЗ. Т. XXIV. Отд. 2. № 23717 – декабря 9. (1849 г.) Сенатский, по Высочайшему повелению. – О поощрении садоводства и огородничества.
22. Вебер К. К. Отчет по исследованию крахмального и паточного производств в России и за границей. СПб., 1887.